

Дики адыгского прошлого

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ выпуск 5 (139)

СТРАНА МЕОТОВ - ПРООБРАЗ ЧЕРКЕСИИ

Меотский этнос существовал на протяжении, по меньшей мере, 1200 лет. За время его существования в степи сменились две крупных кочевых культуры – скифская и сарматская. Военизированный характер меотской культуры был определен постоянной военной угрозой со стороны ираноязычных кочевников. Меотские поселения поэтапно занимают значительные территории на правом берегу Кубани, вдоль восточного побережья Азовского моря и даже перешагивают устье Дона в западном направлении. На протяжении многих столетий меотские городища существовали на открытых степных и лесостепных участках кубано-донской равнины.

Меотская страна представляла собой мощное в военно-политическом отношении этнотерриториальное объединение родственных племен. В этом плане «Меотия» напоминает нам позднейшую Черкесию: 1) единство этническое и культурное при отсутствии единого государства; 2) «Меотия» предстает как союзническое объединение самостоятельных территорий-княжеств, каждое из которых вмещало в себя субэтническое подразделение: синды, тореты, досхи, дандарии, фатеи, псессы, обидиакены, ситтакены, конасены и др. группы, можно полагать, осознающего свое единство меотского этноса; 3) как и Черкесия, «Меотия» – центр военной и всаднической культуры с высоким уровнем развития оружейного дела и коневодства; 4) как и Черкесия, «Меотия» – самая многочисленная страна Северного Кавказа, занимающая те же пределы, что и Черкесия в эпоху Интериано: от устья Дона до Абхазии (северной части Колхиды); 5) как и черкесы, меоты активно осваивают выгодные в геополитическом и ландшафтном плане соседние (а, иногда, удаленные) районы: Восточный Крым, Нижнее Подонье, Кабарда, Среднее Поднепровье, Колхида; 6) как и в Зихии-Черкесии XIII – XVIII вв. в стране меотов развивается производящее товарное сельское

хозяйство; 8) характер взаимоотношений греков с меотами точь-в-точь такой же, как у генуэзцев с черкесами – сходство такое, что даже породило одинаковые историографические клише.

Формирование меотской культуры на пространстве бассейна реки Кубань. VIII – VII вв. до н. э.

Ранний железный век – VIII – VII вв. до н.э. – на территории Северо-Западного Кав-

каза совпадает с этапом сложения единой меотской культуры.

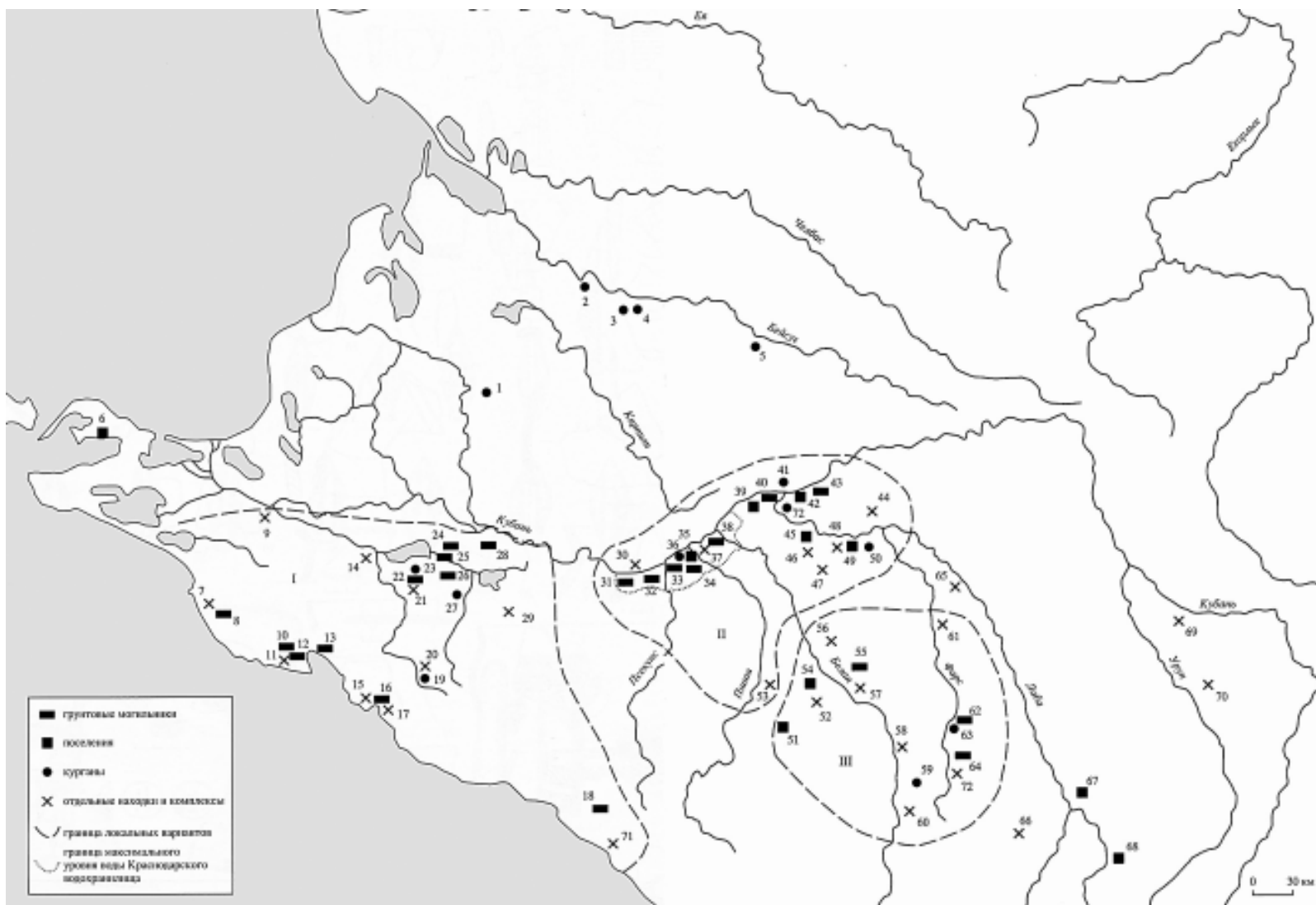
В. А. Трифонов, автор одного из наиболее тщательных исследований дольменной культуры Западного Кавказа, отмечает преемственность протомеотской культуры в отношении дольменной культуры¹.

Исследования В. Р. Эрлиха со всей очевидностью демонстрируют нам ареал протомеотской культуры в За-

кубанье: могильники и поселения зафиксированы в предгорной и горной зонах, вдоль всего течения Лабы, Белой, Пшехи, Пшиша, Псекупса, Абина и вдоль побережья от Таманского полуострова до Туапсе. См. карту, составленную В.Р. Эрлихом.

Как видим, ареал протомеотской культуры в точности совпадает с ареалом, в котором изначально формировались и впоследствии расши-

рялись далеко за его пределы такие культуры как майкопская, дольменная, а также уже исторически хорошо описанные этнокультурные и политические объединения – Зихия (VI – XII) и Черкесия (XIII – XVIII) века. Таким образом, ареал протомеотской культуры – типичный ареал автохтонной культуры Северо-Западного Кавказа, полностью включенный в 6-тысячелетний процесс этнической

Карта основных памятников протомеотской культуры Северо-Западного Кавказа VII–VI вв. до н. э. I – памятники приморско-абинского локального варианта; II – памятники центрального варианта; III – памятники предгорного варианта.

1 - Новониколаевский II, 2 - Брюховецкая, 3 - Батуринская, 4 - Анапский, 5 - Первомайский, 6 - Патрей, 7 - Шум-речка, 8 - Сукко, 9 - Семибратнее городище, 10 - Большие Хутора, 11 - Абрау-Дюрсо, 12 - Широкая Балка, 13 - Шесхарис, 14 - ст. Крымская (Крымск), 15 - Геленджик, 16 - Геленджикские дольмены, 17 - р. Адерби, 18 - Псыбе, 19 - Грузинка VII, 20 - ст. Шапсугская, 21 - окрестности Абинска, 22 - Абинский, 23 - Ястребовский, 24 - Мингрельский, 25 - Цеплиевский Кут, 26 - Черноклен, 27 - Холмский, 28 - Ахтырский

Лиман, 29 - ст. Ильская, 30 - хут. Ленина, 31 - Казово III, 32 - Псекупский, 33 - Начерзий, 34 - Ленинохаль, 35 - пос. Тауйхаль, 36 - к.м. Чишхо, 37 - Беляевский, 38 - Пшиш I, 39 - Красногвардейское II, 40 - Николаевский мог., 41 - Усть-Лабинский курган, 42 - Кубанское пос., 43 - Кубанский мог., 44 - хут. Зубовский, 45 - Уляпское пос., 46 - аул Уляп, 47 - хут. Дукмасов, 48 - хут. Чернышов, 49 - Серегинское пос., 50 - Уашиху I, 51 - Гуамский Грот, 52 - ст. Дагестанская, 53 - ст. Тверская, 54 - Курджипское пос., 55 - Кочипэ, 56 - Ханская, 57 - Майкоп, 58 - Абадзехская, 59 - Хаджох, 60 - Каменноостровский, 61 - Махашевская, 62 - Фарс, 63 - Клады, 64 - Ясеновая Поляна, 65 - Элит, 66 - ст. Бесленевская, 67 - Каладжинское пос., 68 - Ахметовское пос., 69 - оз. Марьянское, 70 - с. Благодарное, 71 - Туапсе, 72 - Некрасовская

истории С.-З. Кавказа и, соответственно, в процесс, в первую очередь, адыгского этногенеза.

Нарративные источники о меотах

Письменные упоминания о меотах начинаются в VI в. до н.э., а последние сообщения о народе меотов относятся к VI в. н.э.

Страбон (63 г. до н.э. – 23 г. н.э.) отмечал, что к числу меотов относились и синды, а субэтнический состав меотов представлен у него следующим списком: «К числу меотов принадлежат сами синды и дандарии, тореаты, агры и аррехи, а также тарпеты, обидиакены, ситтакены, доски и некоторые другие. К ним относятся аспургианы, живущие на пространстве в 500 стадий между Фанагорией и Горгиппией»².

О воинственности меотов: «Ведь по всему этому побережью (восточному берегу Меотиды – Прим. С.Х.) меоты; хотя они и занимаются земледелием, но не менее воинственны, чем кочевники». Важным представляется замечание Страбона о том, что меоты «распадаются на несколько племен» и что те, которые живут у Танаиса «отличаются большей дикостью, а те, что граничат с Боспором, более цивилизованы»³.

Автор V в. Гесикий Александрийский отмечал: «керкеты – народ синдский». Это замечание можно расценить как свидетельство этнического родства керкетов с синдо-меотами.

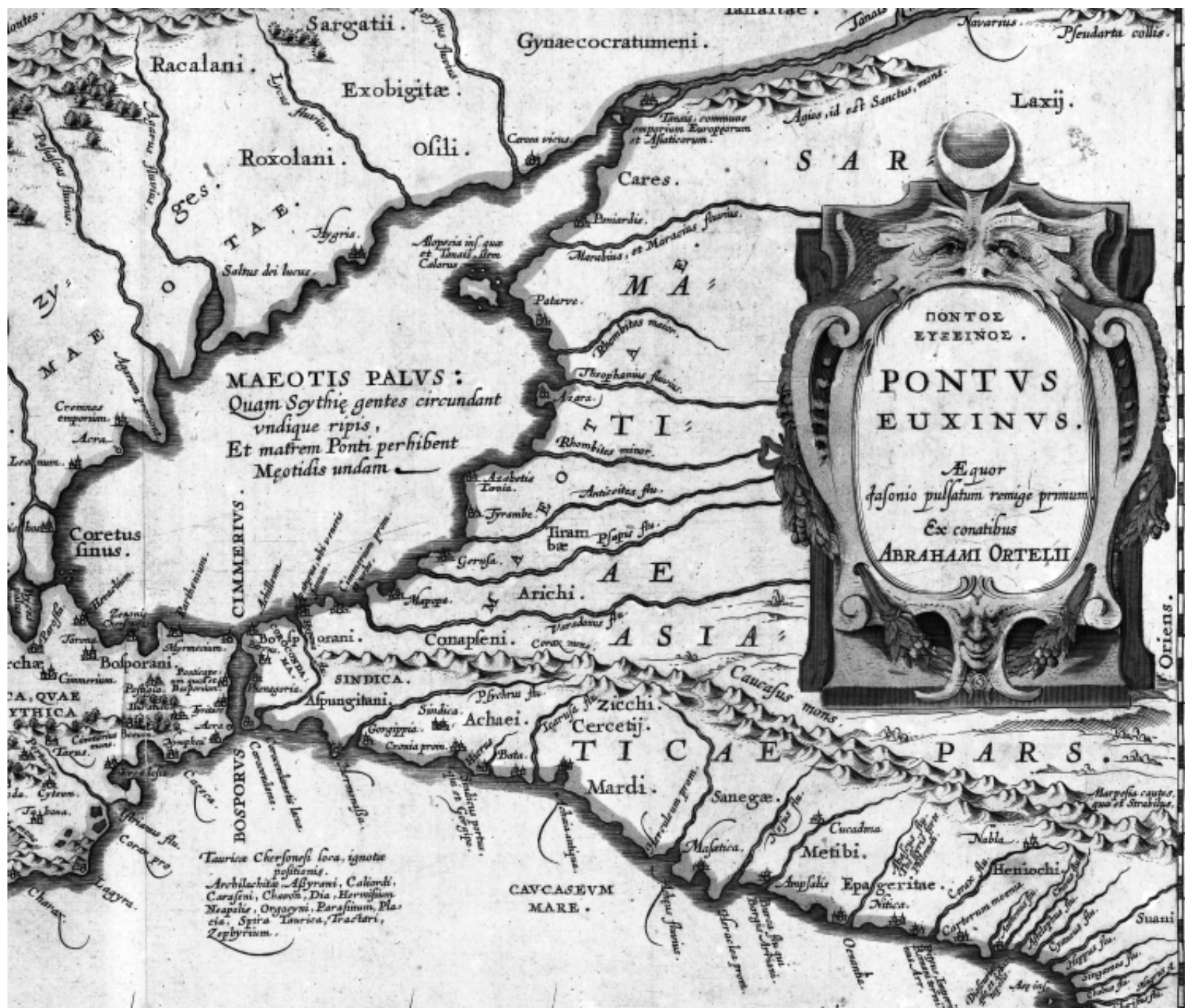
Один из ведущих европейских картографов последней трети XVI в. Абрахам Ортелиус (1527 – 1598) создал несколько выдающихся реконструкций этнополитического состояния античного пространства.

Реконструкция Ортелиуса содержит все основные этнонимы, упоминавшиеся в античных источниках при описании бассейна Черного моря: между Кубанью и Доном отмечены меоты (maeotae), синды, ахеи, керкеты, саниги, епагериты, гениохы, конапсены (conapserni), арихи, аспургианы, боспораны и пр. С западной стороны Меотиды отмечены меоты (maeotae), язиги (Iazyges), вторая Синдика (Sendica).

Меоты и кочевники: характер политических и культурных отношений

В.Р. Эрлих отмечает очень давний характер культурного влияния меотов на кочевников – в первую очередь, в таких отраслях, как металлообработка, изготовление оружия и всаднической амуниции.

Еще в предскифское время протомеотское население Северо-Западного Кавказа «снабжало кочевников металлической уздой и оружием... Элитные комплексы с северокавказским, в том числе и протомеотскими всадническим и колесничными наборами, появляющиеся повсеместно в степи и лесостепи юга Восточной Европы... дают основание нам полагать, что

Ортелиус Абрахам. Понт Эвксинский. 1590 г. Реконструкция этнической и политической карты бассейна Черного моря по античным источникам. Abrahami Ortelii. Pontus Euxinus. Van den Keere, Pieter (1571–1646). Graveur. Bibliothèque nationale de France. Collection d'Anville. 38 Ч 49 см.

http://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6b/Abrahami_Ortelii_Pontus_Euxinus_%2817th_century%29.jpg?uselang=ru

в данном случае мы имеем дело с военной экспансией с территории Предкавказья, в том числе из ареала протомеотской группы памятников»⁴.

Известный специалист по раннему железному веку К. Метцнер-Небельсик предполагает, что за серией престижных меотских предметов в Центральной Европе скрывается постоянная потребность населения этого региона в лошадях, которые путем обмена доставлялись из ареала меотской культуры⁵.

Как отмечено выше, меотские поселения занимали все пространство интериановской Черкесии 1500 года – от устья Дона до Черного моря.

В.Р. Эрлих прослеживает типичные меотские ритуальные комплексы в западных районах Колхиды (на территории современной Абхазии) в IV в. до н.э.: «Чрезвычайно интересное открытие меотского святилища в Абхазии в г. Очамчира, на территории древнего Гюэноса. Возможно, это материальное свидетельство о неизвестном по письменным источникам проникновении во второй половине IV в. до н.э. населения из Закубанья в Закавказье. Восточный холм этого городища, нижние слои которого датируются VI–V вв. до н.э., в IV в. прекращает существовать. Позднейшими комплек-

сами являются здесь погребения конских черепов с уздой кубанского облика... Узда, сопровождающая комплексы, находит близкие аналогии в Уляпских, Елизаветинских, Тенгинских и Воронежских курганах. А сам обряд, заключающийся в захоронении конских черепов с уздечкой, находит параллели в серии меотских святилищ IV в. до н.э. – Уляпских, Тенгинских, Воронежских, Говердовских... В данном случае интересен сам факт устройства меотского святилища в слое поселения, жизнь на котором уже в это время прекратилась. Не исключено, что и прекратилась она не без помощи появившихся здесь меотских всадников, совершивших жертвоприношение»⁶.

Меотский племенной союз сформировался на Северо-Западном Кавказе задолго до появления скифов в степях Северного Причерноморья, не просто пережил скифов, но территориально вырос на протяжении скифской эпохи. Затем, в таком преуспевающем состоянии, меоты встретили сарматское вторжение, сумели противостоять ему на обширном равнинном пространстве от Дона до Кубани и также пережили Сарматия.

Для самых первых коллективов савроматов уже важнейшее значение имели их контакты с меотскими пле-

менами⁷. Восточные районы Верхней Меотии были заняты сарматским племенем сираков, археологические следы которых наглядно свидетельствуют о процессе меотизации кочевников⁸.

Мы можем предполагать, что меото-сарматские связи носили преимущественно мирный характер. Меоты могли вполне сознательно пойти на то, чтобы разрешить селиться поблизости от своих городищ кочевникам, которые становились своего рода буфером между ними и другими племенами сармат, кочевавших в Подонье и Поволжье. Существование такой адаптивной прослойки в виде сираков позволяло быстро реагировать на угрозы внезапных сарматских рейдов. В том случае, конечно же, если таковые имели место. В черкесскую эпоху, точно также ногайское расселение первым принимало на себя атаки из дальних районов степи. Калмыцкая угроза, обозначившаяся в середине XVII в., сподвигнула ногайцев, крымских татар и черкесов к созданию оборонительного союза, просуществовавшего больше столетия, пока хан Убаши в 1771 г. не увел большую часть своего народа в Китай.

В 49 году н.э. сираки получают сильнейший удар со стороны римлян и почти полностью исчезают из степей

между Кубанью и Доном. И.И. Марченко зафиксировал всего 13 сиракских могил I–III вв. н.э.⁹.

Вполне вероятно, что откочевка сармат из меотского края повлияла негативно на систему безопасности оседлого населения. Стали возможны неожиданные нападения больших масс кочевников и не только из круга сармато-аланских племен. Нападения на зажиточных меотских земледельцев могли организовать древнегерманские племена готов, захвативших Северное Причерноморье (условно, Европейскую Сарматия) и отсюда угрожавших Боспорскому царству и населению Северо-Западного Кавказа.

Вопрос о том, кто выступил могильщиком меотского процветания на равнине между Кубанью и Доном, пока остается открытым. Но предположение о том, что это могли быть готы, аннексировавшие Крым, разграбившие Пантикапей и на боспорских кораблях устроивших настоящий террор не только в бассейне Черного моря, но и в Эгейском море, выглядит вполне реалистичным.

Историк VI в. Иордан, автор большого труда «О происхождении и деяниях гетов», отмечал, что «первое расселение [готов] было в Скифской земле, около Мэотийского болота»¹⁰.

ГОТЫ И МЕОТЫ

5

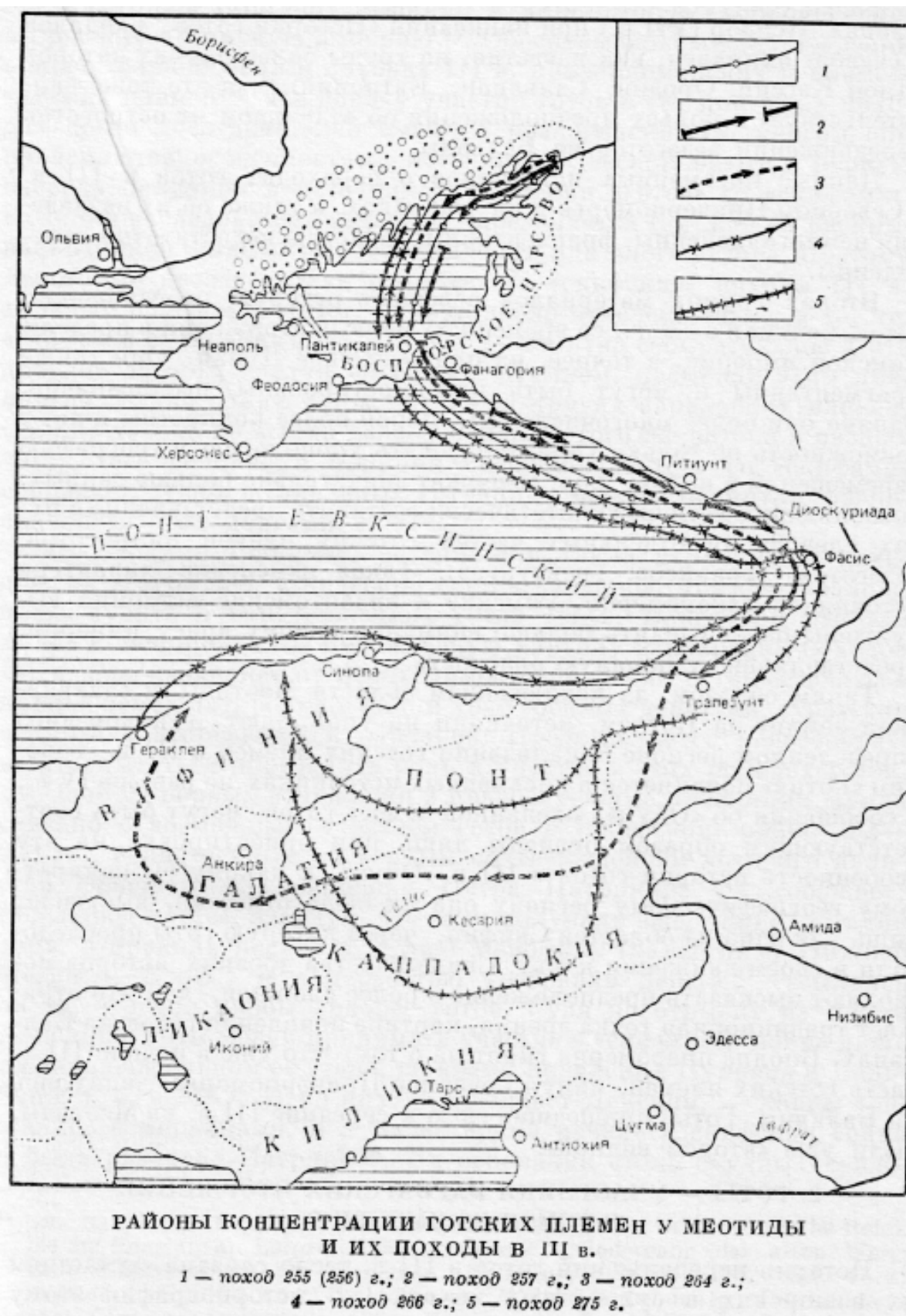
В.П. Буданова замечает, что размещение готов в III в. в области Меотиды подтверждается современными римскими сообщениями. Так, «в биографии императора Аврелиана (270 – 275) мы читаем, что император Клавдий (268 – 270) поручил Аврелиану ведение «всей войны против меотийцев» (omne contra Maeotidas bellum). Известно, что Клавдий вел военные действия против коалиции племен, куда входили и готы. Название последних «меотами» означает, что эти племена выступили из Меотиды»¹¹.

Исследователи ранней готской истории в Причерноморье достаточно единодушно локализируют район их первоначального расселения в Западном Приазовье. Таким образом, готы не могли не войти в тесное соприкосновение с меотами, а их взаимоотношения могли быть как враждебными, так и союзническими.

На протяжении веков, меотский край бурно развивается и достигает уровня появления городов. Так, на примере только Усть-Лабинской группы, в составе которой на 1989 г. было исследовано 30 городищ, И.С. Каменецкий убедительно показывает демографический рост на протяжении позднемеотского времени (вторая половина I в. до н.э. – III в. н.э.): «Первое, что бросается в глаза, – удивительная плотность застройки на правобережье Кубани. Городища идут одно за другим, отделенные небольшими промежутками. Это касается не только старых городищ, которые могли сблизиться в результате роста, особенно интенсивного в рассматриваемый период, но и вновь возникающих городищ... Некоторые ранее раздельные городища, по-видимому именно в это время сливаются, образуя огромные поселения с двумя «цитаделями»... Все городища правобережья прекращают существование, судя по подъемному материалу, на рубеже II и III вв. н.э. К этому времени их общая площадь достигает огромной цифры 1,237,797 кв. м. (без учета происшедших разрушений). Если исходить из плотности застройки, описанной выше для Подазовского городища, и взять за средний размер семьи пять человек, то получим число одновременно проживавших – около 62 тыс. человек. На левобережье, в треугольнике между Кубанью и Лабой, территория была ограничена и это сказалось на размерах городищ: их сохранившаяся площадь 181,726 кв.м., что дает население около 10 тысяч человек. Приведенные данные минимальны, так как не учитывают не только разрушений, но и поселений по левому берегу Лабы, которые, возможно, входили в то же объединение, но пока о них нет точных данных»¹².

«Золотое кладбище»

Курганные некрополи ближайшего Прикубанья на протяжении I в. до н.э. – II в. н.э. представляют собой аристократические погребения с

Район концентрации готских племен у Меотиды и их походы в III в.
Из книги: Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. С. 81.

весьма впечатляющим набором погребального инвентаря. В литературе эта совокупность памятников получила условное наименование «Золотое кладбище». В связи с общим настроем исследователей недооценивать уровень развития меотской культуры и склонности трактовать малейшую специфику как следствие кочевнического воздействия, ЗК стали приписывать сарматам.

В специальной литературе неоднократно высказывалась точка зрения о меотской принадлежности этой группы погребений. Данная точка зрения весьма обстоятельно изложена в посмертной монографии Май Павловны Абрамовой, (1931–2003) одного из наиболее выдающихся российских археологов, который имел опыт осмысления этой проблемы на протяжении порядка 40 лет (диссертация на тему «Культура сарматских племен поволжско-днепровских степей II в. до н.э. – I в. н.э.» была защищена в 1962 г.)¹³.

С 1968 г. М.П. Абрамова

находилась в состоянии дискуссии с К.Ф. Смирновым, В.Б. Виноградовым и другими убежденными сторонниками сарматского происхождения катакомбного обряда на Северном Кавказе¹⁴.

Точка зрения Абрамовой тем более важна, что она сформулирована, с формальной и сущностной стороны, профессиональным сарматологом, специалистом, который всю свою научную биографию посвятил развитию научных представлений о сарматах. Более того, Абрамова возглавляла сектор сарматской археологии в институте археологии Российской Академии наук. Тем не менее, Абрамова от публикации к публикации четко отстаивала свое мнение о меотской принадлежности курганных погребений Прикубанья.

Начало изучению курганов страны меотов в 1896 – 1903 гг. положил Н.И. Веселовский. На территории правобережья Средней Кубани он обследовал массу обширных курган-

ных могильников. Курганные поля начинались на западе в районе станции Воронежской и тянулись сплошной, но довольно узкой полосой вверх, по течению (т.е. на восток) более чем 70 верст до станции Казанской. Курганы не удаляются от берега в сторону степи. Часть этой курганной группы была обнаружена Веселовским в Закубанье у станции Некрасовской (правый берег Лабы в нижнем течении), где он зафиксировал около 10 курганов со следами древнего ограбления. Подавляющее большинство (87 из 103 раскопанных курганов) на дистанции от Воронежской до Казанской содержали захоронения в катакомбах. Важно отметить, что эти погребения в катакомбах носили характер основных погребений. Под основными имеются ввиду такие погребения, ради которых и насыпался курган. Является погребение основным либо оно впускное (т.е. совершено в насыпи уже существующего кургана) очень

важно учитывать при анализе вопроса о происхождении культуры.

Эта территория курганов была названа Веселовским «Золотым кладбищем» (далее ЗК): в погребениях было обнаружено огромное количество золотых вещей, что свидетельствовало о богатстве и особом статусе погребенных в катакомбах лиц.

ЗК – эталонный памятник С.-З.К., демонстрирующий уровень культуры его населения, а также его военную мощь. В катакомбах ЗК были захоронены тяжеловооруженные всадники – элита меотской кавалерии этого периода, вооружение которой по своим техническим характеристикам значительно превосходило не только воинские сообщества остального Кавказа, но и обширного сарматского мира.

Вторая группа курганов, находящаяся в Закубанье, после Веселовского стала рассматриваться отдельно от ЗК. Историк скифо-сарматской эпохи М.И. Ростовцев называл эту группу «зубовской» (по названию хутора Зубов на реке Зеленчук 2-й (или Терс), притоке Кубани (не путать с Большим и Малым Зеленчуками в крайнем, восточном секторе Закубанья), в районе которого находятся данные памятники), отнес ее к I в. до н.э. – I в. н.э. Ростовцев считал, что курганы ЗК и зубовской группы оставлены сарматским населением.

К.Ф. Смирнов дал закубанским курганам название «зубовско-воздвиженская группа» (далее – ЗВГ), поскольку возле станции Воздвиженской на нижней Лабе, напротив устья Фарса, также были зафиксированы аналогичные курганы. В современной российской археологической литературе это определение получило всеобщее признание. Как и Ростовцев, Смирнов отнес и ЗК, и ЗВГ к сарматским памятникам.

Выдающийся исследователь меотской культуры Н.В. Анфимов последовательно отстаивал точку зрения, согласно которой эти курганы являются частью меотской культуры. Такого же мнения придерживался И.С. Каменецкий, также крупный специалист в меотской археологии.

Погребения ЗВГ локализованы между Лабой и Кубанью и, если раньше считалось, что они носят единичный разбросанный характер, то по мере открытия и изучения выяснилось, что они также имеют характер групповых скоплений рядом с меотскими городищами. Форма погребения – прямоугольная яма. В ряде случаев отмечены следы деревянных перекрытий и столбов, т.е. речь идет об исконно меотской (со времен еще протомеотской культуры) традиции сооружать деревянные конструкции над захоронением. В исследовании Л.К. Галаниной, посвященном Келермесским курганам, многократно подчеркивается необходимость обнаружения надмогильных деревянных конструкций, как очевидного при-

знака автохтонной культуры.

Устройство шатровых покрытий над могилами как устойчивая традиция меотов отмечается также выдающимся российским археологом Б.Н. Граковым. Для курганов ЗВГ характерна еще одна меотская черта — устройство ритуальных (жертвенно-поминальных) площадок в насыпи кургана. На этих площадках в значительном количестве обнаруживают ценные вещи, в числе которых специфически меотские предметы — культовые жезлы, воткнутые в землю вертикально.

М.П. Абрамова подчеркивает, что «наличие деревянных перекрытий и столбовых конструкций, несомненно, местная черта для памятников Прикубанья и Тамани, поскольку они были широко распространены в погребальном обряде синдов и меотов». Памятники ЗВГ, отмечает Абрамова, «имеют местные корни».

Нет никакого сомнения в том, что курганы ЗВГ принадлежали воинской знати: оружие представлено шлемами, панцирями, копьями, мечами и стрелами, а также великолепно представлены детали конского убора — удила, псалии, фалары и пр. Воинов в этих курганах хоронили прямо в панцире либо укладывали доспех рядом. Кроме того, обнаружены конские панцири.

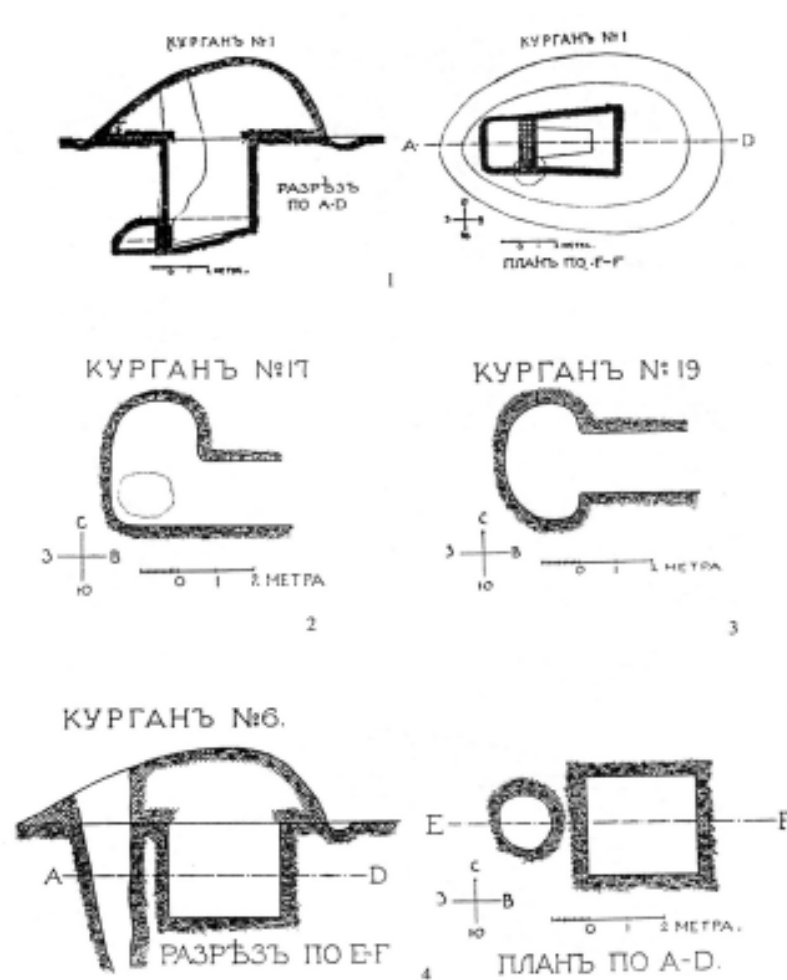
Отличие от меотов состоит в отсутствии конских захоронений. Наличие таковых является устойчивым признаком меотской принадлежности погребения, тогда как для сарматов этот обычай был не характерен.

Это очень интересное отличие: получается, что оседлое земледельческое население хоронило с конями (еще со времен протомеотского периода, т.е. с VIII — VII вв. до н.э.), а кочевники, за очень редким исключением, не имели такого обряда. Сильно отставали в этом плане от меотов и предшественники сарматов — скифы.

Обильные конские жертвы у меотов свидетельствуют о развитом коневодстве, существовании мощного коннозаводческого хозяйства, многочисленности табунов. Коня были стратегическим ресурсом меотов и, по всей видимости, важной статьей экспортных доходов. Дарение коней было важным фактором в установлении добрососедских и союзнических отношений.

В числе массы ценных находок в составе могильного инвентаря ЗВГ есть серия престижных предметов, «которые характерны только для территории Прикубанья: фибулы-броши, стеклянные канфары, железные жезлы и треногосветильники». Каждый из этих предметов говорит о связи с меотской культурой.

Среди нескольких сотен курганов ЗВГ Веселовским было раскопано 103. Из них, согласно Абрамовой, 18 были катакомбами Т-образного типа (тип I), когда сама камера расположена перпендикулярно входной яме; 69 курганов содержали катакомбы II типа,

Курганы Золотого кладбища. Катакомбы типа I. Раскопки Веселовского, 1905 г.

когда и камера и входная яма расположены на одной оси либо с некоторыми отклонениями.

Подавляющее большинство курганов ЗВГ расположены на правом берегу, но маленькая группа — около 10 объектов — в Закубанье (у ст. Некрасовской, на правом берегу Лабы, в нескольких километрах от устья). В 1977 — 1978 гг. краснодарский археолог А.М. Ждановский исследовал еще 17 курганов в основном скоплении ЗВГ и данные его исследований полностью идентичны данным Веселовского, но при современной тщательной методике раскопок предоставили в наше распоряжение массу ценных дополнительных сведений.

В катакомбах типа I (Т-образные) отсутствует напутственная пища, что является одним из важных отличий ЗВГ от сарматских погребений Поволжья. Но в катакомбах типа I не найдены также захоронения лошадей. К числу характерных черт следует отнести деревянные (доски или бревнышки) заклады камер и более редкие перегородки из сырцового кирпича. Эти катакомбы датированы второй половиной I — II в. н. э. Все объекты типа I — основные погребения.

Точно также 68 из 69 катакомб типа II — основные погребения. Как и в катакомбах типа I, здесь отсутствуют следы мясной напутственной пищи. Но зато в 5 катакомбах были обнаружены следы конских захоронений во входных ямах. Отмечены 4 захоронения в гробах. Заклады деревянные, из сырцового кирпича и в одном случае из круглой каменной плиты. Из 17 катакомб, раскопанных Ждановским, в 6 курганах (также во входных ямах) были зафиксированы конские захо-

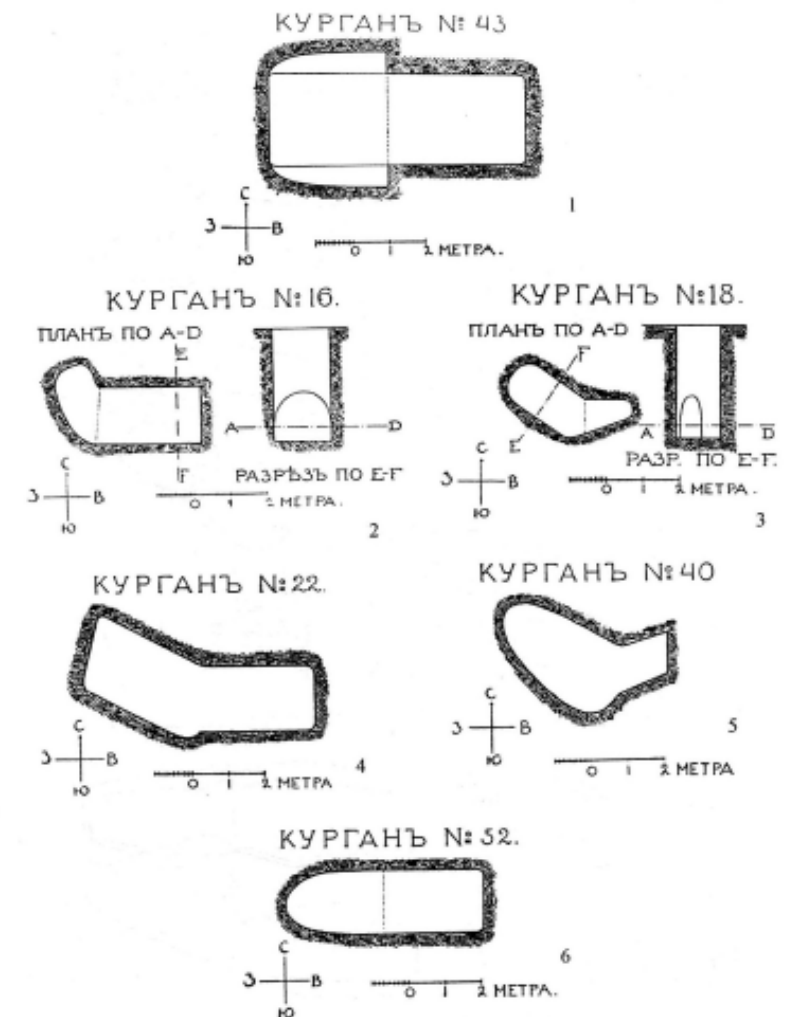
ронения. Вместе с 5 конскими захоронениями из раскопок Веселовского получается уже достаточно крупный показатель. Если доля погребений с захоронением коня у Веселовского 7,8%, то в материалах Ждановского 46,2% (6 из 13 катакомб). Абрамова склонна считать, что относительно низкий показатель Веселовского объясняется «полной ограбленностью многих катакомб и недостаточной фиксацией при раскопках Н.И. Веселовского».

С уверенностью можно предположить, что меотские грунтовые Т-образные склепы являются основой, на которой развился обряд захоронения в Т-образных склепах-катакомбах под курганами. Катакомба как тип погребального сооружения — это и есть склеп, и этими двумя терминами можно пользоваться как синонимами.

Дольмен и есть древнейший вид склепа. Вспомним здесь и новосвободненские подкурганные дольмены IV тыс. до н.э. На западно-кавказском побережье дольмены возводились еще в начале I тыс. до н.э. Каменные ящики — второй тип склепа — очень органично приходят на смену дольменной традиции.

Земляная подкурганная катакомба — не более, чем разновидность склепа, который, как более широкое понятие, может быть использован для наземных, подземных, каменных из плит, земляных или из сырцового кирпича сооружений. Все эти разновидности склепа представлены в меотской погребальной традиции.

У меотов традиция сооружать катакомбы утвердилась за 200 или даже 300 лет до появления в степях сарматских племен. М.П. Абрамова

Катакомбы типа II

указывает на наиболее вероятный источник появления катакомб ЗВГ и ЗК — меотская погребальная традиция. В работе 1982 г. Абрамова принята точка зрения Н.В. Анфимова о меотской принадлежности ЗК и последовательно развивала ее во всех последующих своих исследованиях¹⁵.

В большинстве случаев, когда мы имеем дело со статистикой рядовых синдо-меотских могил — это обычные захоронения в ямах. Но уже в III в. до н.э. у синдов на Тамани появляются могилы с камерами-склепами.

В этот же период на меотском Усть-Лабинском могильнике, расположенном как раз на правом берегу Средней Кубани — там, где спустя 150–200 лет возникнет ЗК — зафиксированы «случаи расположения более поздних могил под более ранними; наличие вертикально стоявших закладных плит; размещение скелетов лошадей рядом с человеческими, но отделенными от них ступенью высотой до 0,4 м — все это, по мнению Н.В. Анфимова, говорит о наличии здесь не только подобных могил, но и катакомб (склепов) (Анфимов, 1951, с. 169).

Примечания:

1. Трифонов В.А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения // Дольмены. Свидетели древних цивилизаций. Краснодар, 2001. С. 51 — 52.
2. Страбон. География / Пер. с древнегреческого Г.А. Стратановского. М., 1994. Кн. XI. § 11. С. 470.
3. Там же. § 4. С. 469.
4. Эрлих В.Р. Северо-Западный Кавказ в начале железного века. Протомеотская группа памятников. М.: На-

ука, 2007. С. 189.

5. Там же. С. 192.

6. Эрлих В.Р. Святителица некрополя Тенгинского городища II–IV в. до н.э. М.: Наука, 2011. С. 91.

7. Смирнов К.Ф. Савроматы: ранняя история и культура сарматов. М., 1964. С. 127.

8. Анфимов Н.В. Древнее золото Кубани. Краснодар, 1987. С. 214 — 222.

9. Марченко И.И. Сираки Кубани. Краснодар, 1996. С. 90–91.

10. Йордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». Вступительная статья, перевод, комментарий Е.Ч. Скржинской. СПб.: «Алетейя», 1997. С. 68.

11. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М.: «Наука», 1990. С. 76.

12. Каменецкий И.С. Меоты и другие племена Северо-Западного Кавказа в VII веке до н. э. — III в. н.э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: «Наука», 1989. С. 244 — 245.

13. Абрамова М.П. Курганные могильники Северного Кавказа первых веков нашей эры // Северный Кавказ и мир кочевников в раннем железном веке: сб. памяти М. П. Абрамовой. М.: Ин-т археологии РАН: ТАУС, 2007.

14. Савенко С.Н. Роль М.П. Абрамовой в изучении проблем раннеаланской культуры Центрального Предкавказья // Северный Кавказ и мир кочевников. С. 543.

15. Абрамова М.П. Курганные... С. 516.

(Продолжение в следующем выпуске).

Самир ХОТКО.